

Андрей РАСТОРГУЕВ

родился в 1964 г. в Магнитогорске.

*Автор нескольких книг стихов,
переводов и литературно-критических статей,
многих публикаций в литературных журналах,
участник ряда антологий.*

*Лауреат Государственной премии Республики Коми,
премии журнала «Урал» (2008 г.),*

*Литературной премии
Уральского федерального округа (2012 г.).*

Член Союза писателей России.

**Андрей
РАСТОРГУЕВ**

г. Екатеринбург

«Поклонись марциальной воде...»

МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ

*Первый российский курорт в Карелии,
где четырежды лечился Петр I,
сохраняет старое имя железистых вод,
идущее от планеты Марс.*

Поклонись марциальной воде —
так целебный источник устроен:
чтобы удостоверить — достоин,
поклонись марциальной воде.

Это очень земная вода
из корней сердцевинного леса —
хоть по богу войны и железа,
если в меру — не будет вреда.

Наливали тогда доктора —
со щедря серебра, не горстями.
Но карельский медведь и крестьянин
отыскивали её до Петра.

Мы не в царской идём чередё,
но и нами земля прозвучала.
Если телу с душой полегчало —
поклонись марциальной воде.

ЯБЛОНИ ВАЛААМА

С ветхозаветного Адама
тысячелетия храня,
на мягких лапах Валаама
лежит гранитная броня.
Но человек не знает меры
своих невероятных сил —
и устыдились малoverы,
и камень заплодоносил.

В северорусские просторы
давно, как будто испокон,
глядят израильские горы
Фавор, Сион и Елеон.
Когда бессмысленно опасный
огонь пойдёт по головам —
как Иерусалим запасный
волнам открытый Валаам.

Пока в невероятной каше
не потемнела высота,
успей к молению о чаше
у Гефсиманского скита,
дыханием неплотоядным
открыв на кончике весла
в одной из валаамских яблонь
познание добра и зла...

СТАРИК И МОРЕ*(В сокращении)**Карельскому поэту**Александру Волкову*

Чай-иван зацвёл на косогоре —
самый плодовитый из Иванов...

Сямозеро — маленькое море
между двух великих океанов.

Норов у него не голубиный —
выходи с опаской на моторе.

У него есть мели и глубины,
и старик, необходимый морю.

От высокой горницы к подвалу
шоркая подошвами пороги,
он один хозяйствует помалу
в доме у прибоя и дороги.

Но, пускай не вовсе умалила
тело жизнь цепочкой годовой,
заросла смородина-малина
сорною травую-крапивью.

На́ берег с воды не торопился,
сетки ставил бережно и ловко,
а теперь у дедовского пирса
ливнями захлётнутая лодка.

И, в неторопливом разговоре
скрадывая долгую тревогу,
слышит он, как Сямозеро-море
плещется на старую дорогу,
валуны волнами осыпает,
подо льдом — и то не засыпает...

По укладу веков или расположению звёзд,
или недоумению вросшего в давнее стремя
завершённое время впивается
в собственный хвост...

Но кто приговорил, что уже завершается время?

И покуда киты-черепахи несут материк,
по дороге к высокой воде соглашайся, не споря:
на морском берегу обязательно будет старик —
если он, разумеется, у настоящего моря.

.....

Был старик лесовик,
был старик рыболов,
а теперь ни уму и ни сердцу...

За несметными следом
он тоже готов
отворить у истории дверцу,
как ещё отворяет
чуть свет или снег
побелённую печь домовую...

Там спекается век,
рассыпается век,
вылетает в трубу дымовую.

— Лебединого времени
не проворонь... —
наставляют земные глубины.

Ненасытно голодный
до жизни огонь
добирается до сердцевины,
где на памяти детской
горчит не угар

на Урале на лесоповале,
а противочинготный
сосновый отвар —
хоть залейся, его выдавали...

А когда соберёшься нелицеприятный итог
подвести подо всем,
чем сгодился родне и Отчизне, —
отыщи не биток, а едва приоткрытый виток
всё ещё неожиданной и неистраченной жизни.

Есть во имя чего — и воистину стоит начать
с белоснежной бумаги ли,
с чистого ль белого снега...

И рыбацкую лодку по-прежнему будут качать
океанские зыби на Ладоге и на Онего.